Валентина Маслова
Витебск

ДУХОВНЫЙ КОД В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Коды культуры – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей, система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ с помощью языка постигает мир. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности. Код (в том числе и духовный) «работает» на материале вторичной номинации, которая сформировались за счет переосмысления уже готовых единиц языка. Например, *артерии* как кровеносный сосуд, несущий кровь, и *артерии страны* как символ важности неких путей.

При таком понимании сама культура выступает как совокупность различных кодов, которые универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А В. В. Красных, раскрывая сущность понимания кода, использует метафору «сетки», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его»[1].

Думается, что *код* в лингвокультурологи – это глубинное культурное пространство, но не сеть, а, скорее, «контейнер», в понимании Е. С. Кубряковой, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код. Коды могут включать в себя единицы, которые сами по себе не являются

---

[1] В. В. Красных, *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*, Москва 2003, с. 232.

знаками культуры, но, будучи включены в ментальное пространство кода, становятся таковыми. Например, камень, лежащий на дороге, это просто природная сущность (первосущность, по Аристотелю), но если его перенести на могилу, он становится знаком культуры – памятником.

Выделяют целый ряд кодов культуры: ***космогонический*** (*быть на седьмом небе)*, ***соматический*** (*голова колонны, третий глаз*), ***пространственный***, ***временной***, ***предметный*** (*гвоздь программы*), ***зооморфный*** (*львы, орлы в геральдике*), ***природно-ландшафтный*** (*лес рук*), ***архитектурный*** (мост как связь, соединение), ***гастрономический*** (*мед, соль земли*) и др.[2] Итак, объекты реального мира, помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации.

Система культурных кодов – это открытая для изменений система, нормы поведения в обществе изменяются со временем, культурный код тоже изменяется. Это можно подтвердить изменениями, произошедшими с отношением человека к семье и семейным ценностям на рубеже тысячелетий, т.е. развитие культурного кода всегда следует за процессом переоценки ценностей.

С помощью любого кода можно описать в конкретной лингвокультуре весь репертуар ценностей, способов и норм поведения, действий и состояний человека. Таков, например, зооморфный код: *глухой как тетерев* (абсолютно глухой); *гол как сокол* (бедный); *дошло как до жирафа* (о медленно понимающем человеке); *козёл отпущения* (человек, на которого постоянно сваливают ответственность за проступки, грехи других); *ползти как улитка* (медленно идти); *коту под хвост* (о чем-то, сделанном впустую); *под мухой* (о пьяном); *медвежья услуга* (услуга, в результате которой получился противоположный результат); *кот наплакал* (когда чего-то очень мало) и т.д.

Изучая коды языка, очень важно понять механизм того, как объекты реального мира (*мост*, *гвоздь*, *орел* и под.), помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации. Как объяснить это явление с прагматических позиций? Для чего это нужно челове-

---

[2] В. А. Маслова, *Лингвокультурный код как способ описания языка*, [в:] *Концептуальный и лингвальный миры*, вып. 5, *Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке*, Киев 2014, с. 44–52.

ку? Думается, что *человек испытывает онтологическую потребность в непрерывной игре с означаемыми и означающими. И объясняется это не прагматикой, а, скорее, эстетической потребностью.* Это особая способность языковой личности.

Особый интерес и сложность представляет *духовный код*, который есть главный путь перехода к глубинным знаниям. Это внутренний субъективный код, нашедший отображение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования. Именно с помощью духовного кода может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта). Этот код изначально онтологичен, он пронизывает все наше бытие, формирует ментальность, обусловливают поведение и деятельность.

Известно, что вся культура восходит к слову *культ*, т.е. это верования, традиции и все, что связано с Богом. Несмотря на то, что наука в современном мире занимает более важное место, именно религия, а точнее, вера является тем фундаментом, на котором зиждется национальная культура. Многие ученые прошлого и нынешнего времени понимали роль духовного фактора в жизни человека. Религия, как утверждал В. Виндельбанд, «в ее полной, всеобъемлющей действительности [...] входит во все сферы жизни и вместе с тем возвышается над ними как нечто самостоятельное и новое»[3]. Она сакрализует и передает поколениям основополагающие нравственные ценности и этические идеалы.

Отличительным признаком религии является вера в сверхъестественное, возможность контакта с ним, поиски связи с трансцендентным. В христианстве сверхъестественное персонифицировано в Боге, поэтому поиски человеком пути в трансцендентный мир означают желание установить связь с Богом. Путь в этот мир осуществляется посредством принятия идеалов, являющихся ценностными ориентирами в жизни человека и общества. Так, на основе мировоззренческих идеалов христианства формируются определенные духовные сущности – духовный код, религиозные концепты, – наполненные ценностными смыслами и составляющие сакральный центр культуры.

---

[3] В. Виндельбанд, *Избранное. Дух и история*, Москва 1995, с. 254.

В области духовной культуры выделяют ***нравственные ценности*** (*честь, совесть, достоинство, счастье, добро, зло, долг, справедливость, одиночество, дружба, смысл жизни*), ***религиозные*** (*вера, Бог, закон Божий, возмездие, благодать, спасение, смирение* и др.), ***научные*** (*истина, доказательство, гипотеза*), ***эстетические*** (*прекрасное, безобразное*), ***правовые*** (*закон, правопорядок*), ***социальные*** (*семья, дети, материнство, отцовство, труд, брак*), ***политические*** (*мир, демократия, толерантность*).

У разных народов в разные исторические времена ценности меняются. Так, в античной Греции превалировали эстетические ценности, в средневековой Европе – религиозные ценности, в современном обществе утвердились, скорее, антиценности – *богатство, наслаждение, власть*.

Духовный код существует в двух ипостасях *сакральной* и *светской*. В основе духовного кода лежат ценности. Все ценности, кроме религиозных и нравственных, можно рассматривать как светскую ипостась кода. Вообще же разделить светское и сакральное подчас трудно. Например, языковой знак двуедин: материален и идеален, духовен и телесен. В русской языковой картине мира противопоставление плотского и духовного не имеет четкой границы, эти сущности диффузны, неясны: *душа* может *петь*, ее можно *обжечь*, а *тело* определяет наш *дух*: *в здоровом теле – здоровый дух*. Следовательно, телесное перетекает в духовное и наоборот. Поэтому духовная сущность познается с трудом.

Нравственный закон внутри нас – по Канту – это присущее человеку свойство различения добра и зла, голос совести и внутреннее требование правды. Внимание к себе, самоанализ раскрывает человеку внутри себя целый мир, где действительно «дьявол с Богом борется» (Достоевский). *Совесть* – наиболее очевидное проявление нравственного закона, это сила, приводящая в движение русское сознание. Русская душа и русская культура совестливы по своей сути. Совесть позволяет русскому человеку отделить грех от правды – как в собственной душе, так и в реальном мире. Совесть является тем камертоном, по которому настраивали свой слух русские люди – как творцы, так и потребители культуры. *Совесть* – внутренний Божий голос, поэтому Божий суд согласуется с судом совести. В русской культуре *совесть* – связана с концептами *Бог, желание, доля, судьба, чудо, душа*.

Нас интересуют в первую очередь, сакральные ценности, строящие сакральную ипостась духовного кода. Их мы находим в молитвах[4]. Например, в молитве Пресвятой Богородице мы просим: просветить ум и очи сердечные, заступничества перед Богом, правильной веры, надежды, любви нелицемерной, мужества в искушениях, терпения в злостраданиях, постоянства в молитвах, здравия, плодоносия земли, довольства житейских потреб, благословения Божьего, богохранимой стране мира и т.д.

На основе глубокого многолетнего опыта самопознания святыми отцами были высказаны истины о человеке и его душе, которые только в XX веке подтвердились данными психологов и философов.

Если в русской культуре настоящих духовных людей, которые формировали русскую светскую и православную культуру, не счесть, то в белорусской их немного. Один из них – Кирилл Туровский – проповедник, епископ, философ, который после смерти был причислен к лику святых. Его проповеди, молитвы, воззрения на мир и человека – это высокий уровень нравственности и святости. В. В. Колесов писал: «Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл – совесть своего нелегкого и бурного времени»[5]. Изучение первоисточников наших духовных святителей также приобщает нас к духовности.

К. Туровский стоял у истоков белорусской философской мысли. Обращение к проблемам бытия, добра и зла, поиск путей постижения истины, определение мудрости, прозрение души – вот основные вопросы, над которыми он думал. По К. Туровскому, душа прозревает только через приобщение к знаниям. Дух наследуется и генетически и путем учения. Безнравственный человек, считал он, не может быть мудрым: «В злохитрую душу не войдет премудрость, не в силах укорениться в сердце лукавом и оскверненном пьянством и блудом»[6].

---

[4] В. А. Маслова, *Стихотворная молитва с позиции синтеза религии – науки – культуры*, [в:] *Теолингвистичка проучаван'а словеских јзика*, ред. Ј. Грковић-Мејџор, Београд 2013, с. 195–209.

[5] В. В. Колесов, *Из «Притч» и «Слова» Кирилла Туровского (Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси. XII век*, Москва 1980.

[6] К. Туровский, *Избранные произведения*, Гомель 1999, с. 5.

Когда начинаем исследовать духовный код, следует учитывать огромный религиозный опыт, опыт психологов (от Л. Выготского до Бехтеревой), опыт богословов. Духовный код формируется не только через богословское учение и огромный пласт религиозной лексики, но и через огромный пласт духовной поэзии – от «Богогласников», С. Полоцкого и М. Ломоносова до поэтов наших дней (Ю. Кузнецов, М. Шлехов, Н. Карташева, К. Мозгалова и др.). Например, у Нины Карташевой:

Есть Слово – Господь.
И над словом – Господь.
Поэзия – Господа дар и призванье.
Содержится словом Его мирозданье,
И слово Его облекается в плоть.

Бог и христианские ценности были фундаментом русской поэзии на протяжении всего XIX века – от Пушкина до В. Соловьева и А. Блока. С древнейших времен и протопопа Аваакума известны *Духовные стихи*, так назывался один из фольклорных жанров песен, которые пели на Руси странники, нищие, слепцы. Высшая власть духа соединялась в творчестве поэтов с христианским миросозерцанием и христианскими идеалами добра и красоты. «Бог в культурном ареале, начиная с первых веков православия, был своеобразным вместилищем морали, гуманистических традиций, питающих искусство, в том числе искусство слова»[7].

Человек получил от Бога возможность творить посредством слова. По Библии, именно Слово станет главным свидетелем на Божьем Суде: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36–37). Ничто из услышанного и сказанного не проходит мимо человека, оно оставляет на нем печать, некое подобие матрицы, хранящейся в самых потаенных глубинах памяти. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) сказал в проповеди 1945 года: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след. Слово – это как

[7] Л. К. Граудина, Г. И. Кочеткова, *Русское слово в лирике XIX века*, Москва 2010, с. 26.

бы «зарубка», которая метит не предмет, не явление, а некий смысл, связанный с этим явлением, тем самым оно заряжает энергией предмет, делая его своим, познанным, определяет его место в своем бытии»[8], ибо слово – «максимально напряженное осмысление бытия»[9].

Слово живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков.

Русское слово сакрально. В Слове заложено сокровенное знание о Боге: с одной стороны, это язык Священного писания, оказавший сильное влияние на русский язык, а с другой – религиозные аспекты обычного русского слова. Рассмотрим их подробнее.

1. Язык Священного писания представляет непреходящую ценность сам по себе, вне зависимости от того, насколько понятен его смысл. Даже простое слушание этих текстов, их звуков и пауз, интонации благотворно влияет на душу человека. Сравните: *Благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших!* И его перевод на русский язык – *Пусть будет хорош твой ребенок, потому что он спасет нас!* Мы видим, как исчезает волшебное обаяние слов в переводе, исчезает особенное благозвучие и т.д. На русский язык до сих пор благотворно влияет церковнославянский.

Рождение слова – Промысел Божий, он явлен во всех языках, но для восточных славян важнее всего понять роль церковнославянского, сам строй которого, его магия для русского языка – живительный источник, в котором можно просмотреть нити языка, незримо связывающие нас с Богом. Например, *соревнование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, *ревность ко Христу*; *убогий* – это не ущербный, а от *находящийся у Бога. Послушание* – это *услышать слова Христа* и исполнить их. *Чудо* от *чути*, т.е. слышать. Апостол Павел ска-

---

[8] Л. Войно-Ясенецкий, *Проповеди*, [в:] В. Марущак, *Жизнеописание святого исповедника, архиепископа Симферопольского и крымского Луки (Войно-Ясенецкого)*, Симферополь 2004, с. 131.

[9] М. М. Маковский, *Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие*, Москва 2000, с. 40.

зал: «Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17). Имеющий уши слышать, слышит, что слова *успех* и *успеть* – родственные, происходящие от «*успеть спастись*». *Судьба* тесно связана с *Судом Божиим* и т.д.

Неподражаемы по красоте слова молитв: 50-й псалом, молитва Оптинских Старцев, Материнская молитва за чадо свое и др. *Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день…*

2. Обычное русское слово, попадая в соответствующий контекст, становится носителем информации о Боге. По А. Ф. Лосеву, слово – место встречи Бога и мира. Язык рассматривается им как одна из форм энергийной эманации Божественной сущности. Каждое слово понимается как причастное Божественному Логосу, связанное с именем Бога. Таковы, например, концепты *закон*, *страдание*, *сострадание*, *жалость*, *долг*, *совесть*, *прощание*, *достоинство*, *честь*, *грех* и др. Рассмотрим несколько из них подробнее.

Страдание. В Ветхом завете, который известен носителям любого языка в христианском мире, сказано: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы лететь вверх». Казалось бы, этот концепт должен однозначно восприниматься представителем любого языка. Э. Фромм писал: «[…] страдание – это, пожалуй, единственное эмоциональное состояние, которое является общим для всех людей»[10]. Однако наблюдения над языком опровергают это утверждение. Под страданием в современном языке понимается физическая или нравственная мука. В Словаре В. И. Даля *страдать* – не только *терпеть боль*, но и *биться*, *бороться*, *бедовать*, а также *болеть душою*, *терпеть убытки* и др., т.е. значение глагола ранее было более широким.

Христианство проповедует мысль о том, что страдание очищает душу, что сумма страданий души пропорциональна степени ее совершенства. Здесь большое значение придается жизненному опыту человека, который позволял рефлексировать над чужим и своим страданием. Так, Ф. Достоевский, переживший намечавшуюся казнь и каторгу, начал проповедовать гуманистическую сущность и искупительную силу страдания.

---

[10] Э. Фромм, *Бегство от свободы*, Москва 1990, с. 117.

При составлении концептов культуры нужно обязательно использовать также данные ассоциативных словарей, которые есть ни что иное, как многоликий образ русского сознания. Так, статья «страдание» включает в себя не только реакции типа *боль*, *слезы*, *невыносимое*, *мучение*, *мука*, но и *любовь*, *помощь*, *сострадание*, *вылечить*, *испытание исцеляет милосердие*, *искупление*, *во имя*, а также *один*, *необходимость* и др.

Данные словарей, а также русской философии и поэзии, позволяют заключить, что концепт *страдание* тесно связан в русской культуре с *мужеством*, которое позволяет переносить тяжесть страданий, *греха*, во искупление которого даются страдания, а также *совести* (Достоевский считал, что человек сам ищет страдания, чтобы упокоить свою совесть), *благодатью* («*страдания – святая благодать*» у В. Жуковского) т.е. данный концепт многолик в русском языковом сознании.

В западноевропейской культуре оно имеет иную сеть связи концептов: *страдание* соотносимо с *удовольствием*, *наслаждением*, с одной стороны, и *величием духа*, с другой (ср. Ницше, для которого страдание было условием формирования величия духа).

Состарадание (сопричастие к страданию, сопереживание), согласно данным «Русского ассоциативного словаря»[11], связано с *жалостью*, *милосердием*, *сочувствием*, *ближнему*, *чужому горю*, *добротой*, *нежностью*, *мягкостью* и даже *радостью*. Отсюда следует, что наиболее значимые коннотации и смыслы находят подтверждение в данных ассоциативных словарей этих языков, которые помогают выявлению и постижению концептуальных смыслов и установлению их лексических категоризаций. Таким образом, в русской культуре *сострадание* тесно связано с *жалостью*, которая в западноевропейских языках является носителем негативной коннотации: презрения во французском языке, досады в немецком, ироничного недоброжелательства в английском.

Вывод. Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь одновременно способом структурирования культурного знания. Они обладают национально-культурной спецификой и отражают особенности культуры использующего их народа. Всякий носитель национальной культуры и языка с ранних лет усваивает эти коды вместе с родным языком.

---

[11] *Русский ассоциативный словарь*, Москва 1994, с. 158.

Особое место среди кодов занимает духовный код, который есть внутренний, глубинный код, нашедший отображение в языке в виде системы духовных законов и нравственных ценностей, хранящих наши знания о Боге.

SUMMARY

Spiritual code in Russian linguoculture

This article establishes that there is another way of language description – through the codes of culture. We have highlighted number of codes (cosmogonic, somatic, zoomorphic etc.). But the most complex and interesting code is the spiritual code. This is the deepest code of Russian culture, which finds the reflection in the language in the form of spiritual laws and moral values system that holds our knowledge of God.